

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.11-112 – 821.112.2

Дата поступления: 17.01.2023
рецензирования: 19.03.2023
принятия: 30.05.2023

Языковые средства демифологизации в романе Эльфриды Елинек «Дети мертвых»

Г.В. Кучумова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: gal-kuchumova@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8699-0484>

Н.В. Барабанова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: trommel@list.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9458-0875>

Аннотация: В статье рассматривается тропологический инструментарий, используемый австрийской писательницей Эльфридой Елинек для описания мифологизированной реальности. Материалом исследования выступает роман «Дети мертвых» (1997), отмеченный наиболее смелыми языковыми экспериментами. Цель исследования – выявить специфику языковой практики Э. Елинек, направленную на деконструкцию современных мифов общественного сознания. Ее деструктивный метод базируется на теоретических построениях Р. Барта и Ж. Бодрийяра. Предпринятую французскими мыслителями процедуру демистификации потребительского сознания Э. Елинек переводит в языковую плоскость постмодернистского метода деконструкции. Язык в романе предстает как носитель «травматической памяти» нацистского прошлого, которое продолжает свое существование в гиперреальности настоящего. Деконструкция мифологических структур в романе осуществляется в смелых языковых экспериментах, в стихии языковых игр, в новых неожиданных контекстах. Наиболее частотные стилистические средства у Э. Елинек – метабола, концептуальные метафоры, гротеск, оксюморон, окказионализмы, реализованные метафоры, метаязыковая игра с текстом и другие виды тропов. Все это работает в тексте романа на сверхзадачу демифологизации. «Эмоциональное очищение», как при восприятии высокой культуры, Э. Елинек заменяет более действенным «критическим катарсисом», что позволяет читателю занять критическую позицию по отношению к демистифицированной реальности.

Ключевые слова: тропологический инструментарий; Эльфрида Елинек; роман «Дети мертвых»; демифологизация; постмодернистский метод деконструкции; метабола; концептуальная метафора; окказионализмы; немецкий язык.

Цитирование. Кучумова Г.В., Барабанова Н.В. Языковые средства демифологизации в романе Эльфриды Елинек «Дети мертвых» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 2. С. 153–159. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-153-159>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Кучумова Г.В., Барабанова Н.В., 2023

Галина Васильевна Кучумова – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Наталья Витальевна Барабанова – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.01.2023
Revised: 19.03.2023
Accepted: 30.05.2023

Linguistic means of demythologization in the novel «The Children of the Dead» by Elfriede Jelinek

G.V. Kuchumova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: gal-kuchumova@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8699-0484>

N.V. Barabanova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: trommel@list.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9458-0875>

Abstract: The article deals the typological tools used by the Austrian author Elfriede Jelinek to describe the mythologized reality. The research material is the novel «Children of the Dead» (1997), marked by the most daring language experiments. The purpose of the study is to identify the specifics of the language practice of Jelinek for deconstructing modern myths

of public consciousness. Its destructive method is based on the theoretical constructions of R. Barth and J. Baudrillard. Jelinek translates the procedure of demystification of consumer consciousness undertaken by French philosophers into the linguistic plane of the postmodern deconstruction method. The language in the novel appears as a carrier of the traumatic memory of the Nazi past, which continues to exist in the hyperreality of the present. The deconstruction of mythological structures in the novel is carried out in bold language experiments, in the element of language games, in new unexpected contexts. The most frequent stylistic means of Jelinek are metabola, conceptual metaphors, grotesque, oxymoron, occasionalisms, realized metaphors, metalanguage play with text and other types of tropes. All this is aimed in the text of the novel at the super-task of demythologization. Jelinek replaces «emotional catharsis», as in the perception of high culture, with a more effective «critical catharsis», which allows the reader to take a sobering position in relation to demystified reality.

Key words: tropological tools; Elfriede Jelinek; novel «Children of the Dead»; demythologization; postmodern deconstruction method; metabola; conceptual metaphor; occasionalisms; German language.

Citation. Kuchumova G.V., Barabanova N.V. Linguistic means of demythologization in the novel «The Children of the Dead» by Elfriede Jelinek. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 2, pp. 153–159. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-153-159>. (In Russ.)

© Kuchumova G.V., Barabanova N.V., 2023

Galina V. Kuchumova – Doctor of Philological Sciences, associate professor, professor of the Department of German Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Natalia V. Barabanova – Candidate of Philological Sciences, associate professor of the Department of German Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Романный дискурс конца XX века отмечен продуктивной в художественной практике стратегией демифологизации современных социальных и культурных мифов, сложившихся в зрелом обществе консьюмеризма в системе властных массмедийных структур и новых информационных технологий. Процедура демифологизации предполагает интенсивную работу с языком и требует от современного писателя особого словотворчества.

В данной статье рассматривается языковая практика австрийской писательницы Эльфриды Елинек (*Elfriede Jelinek*, *1946, Нобелевская премия по литературе 2004). Ее авторский стиль – это публичный интеллектуальный эпатаж, который состоит в провокационном действии с единственной целью обратить внимание на «культурные искривления» в современном обществе и культуре. Елинек вскрывает механизмы действия мифологизированного языка, застывшего в массмедийной реальности, языковыми средствами.

Дешифровку мифов современного «общества спектакля» (термин Ги Дебора) Елинек осуществляет, опираясь на теоретические построения Ролана Барта (1915–1980). Современный миф потребительской культуры Р. Барт считает такой же знаковой системой, как и язык, но более высокого уровня: «Миф – это язык, не желающий умирать. Питаясь чужими смыслами, он благодаря им незаметно продлевает свою ущербную жизнь» [Барт 1996, с. 259]. Барт показывает, что «мифологизация» мира происходит за счет включения первичных культурных знаков (языковых или иных) в коннотативную знаковую систему второго порядка. В результате этого она «паразитирует» на первичных знаках, то есть использует их «естественный» смысл как своего рода оправдание для утверждения своих собственных ценностных значений. Носителем мифического сообщения может стать любой текст (фотография, кинематограф, репортаж, спортивные зрелища, реклама), поскольку его суггестивная сила беспредельна.

Бартовский «миф» как единицу ложного смысла, функционирующего в культуре, другой французский мыслитель Жан Бодрийяр (1929–1970) заменяет имеющим давнюю философско-онтологическую традицию понятием «симулякр». Неконтролируемое размножение симулякров в культуре приводит к тому, что экзистенциальная ситуация предельно искажается и человек вовлекается в «симулятивную реальность» [Бодрийяр 2000].

Предпринятую французскими мыслителями процедуру демистификации потребительского сознания Э. Елинек переводит в языковую плоскость постмодернистского метода деконструкции. Используя широчайший диапазон языковых средств, она обрушивает весь свой критический заряд на демонтаж мифологизированной структуры современного общества. Елинек отмечает: «...» das, was ich kritisieren, ist immer die Sprache [Zenke 1991, S. 13]. Она подчеркивает: «Я вынуждаю язык обнажить свой ложный идеологический характер, я, так сказать, подвергаю язык порке, чтобы он, вопреки своему желанию, говорил правду» [Белобратов 2005, с. 233]. Для разрушения мифологических образований Елинек использует эффект остранения, создающий в культуре «измерение истины» (Г. Маркузе). Она считает, что литература «после Освенцима» уже исчерпала «мягкие» средства остранения, теперь следует переключаться в более сильные регистры изображения ужасного и отвратительного для достижения «эффекта ожутчения» [Эпштейн 2004, с. 507] с целью эмоционально потрясти психику успокоенного обывателя, освежить его чувства, притупленные постоянным воздействием массмедийных средств.

Языковой материал исследования. Результаты

В поле нашего исследования – роман Эльфриды Елинек «Дети мертвых» (Jelinek 1997; Елинек 2006). Жанровая форма романа трудно определима: отсутствие выраженного хронотопа, слабая сюжетная линия, «редуцированные» персонажи, не имеющие собственного голоса. Единая автор-

ская позиция отсутствует, голос рассказчицы распадается на множество точек зрения, растворяясь в общей какофонии. Единственное организующее начало здесь представлено в языке. Сама Елинек охарактеризовала роман как *Gespensstergeschichte zur österreichischen Identität*, как гротескный спуск героев в царство мертвых [Birkmeyer 2006, S. 305]. Скорее это апокалиптические зарисовки в жанре триллера, своего рода «Закат Европы» в авторском исполнении. В романе предстает аллегорическая картина: мертвецы приходят в мир «живых» мертвецов. Заголовок романа *Kinder der Toten*, обнаруживающий черты оксюморона, допускает двойной перевод: «дети мертвых» (мертвое тело порождает новую жизнь), «дети мертвой» (матери, родины, страны).

Вся динамика романного действия реализуется исключительно в пространстве языковых игр. Язык у Елинек – как бурлящий водоворот – новый, свежий, органичный своему времени. Здесь фантастические допущения, сюрреалистичное расслоение образов, неожиданный коллапс смысла высказываний и разрыв привычных связей смыслов на грани абсурда. Слова вылетают из своих лексических гнезд, в дерзких окказионализмах и немислимых гротесках соединяется несоединимое, звучат яркие сентенции, поговорки и пословицы, фразеологизмы и языковые клише переинтерпретируются и перекраиваются. Плурализм культурных языков, бесконечные смысловые лабиринты, гипербололизация и пародирование, окказиональное словотворчество, метаязыковая игра с текстом – все это работает в тексте романа на сверхзадачу деконструкции мифов.

Язык в романе Елинек представлен как носитель травматической памяти нацистского прошлого, которое продолжает свое существование в гиперреальности настоящего. Повсеместное использование в повествовании личного местоимения *wir* (мы) указывает на общую беду Австрии, ставшей первой жертвой нацистской идеологии. Идеология *Blut-und-Boden* нацистского режима и тема Холокоста проецируются на современное общество потребления и культуру, тотального охваченные визуальными стратегиями власти [Birkmeyer 2006, S. 308].

Исследуемый языковой материал романа показывает, что экспликация темы тоталитарного прошлого и настоящего осуществляется с помощью языковых и концептуальных метафор. Так, концептуальная метафора «Холокост – человеческие волосы» «обнимает» весь роман, постоянно «мерцает» в тексте, а в финале выходит на поверхность в прямом смысле этого слова. Тема Холокоста проговаривается в тексте романа повсеместно через образы волос (они растут везде из-под земли, покрывают стулья в ресторане отеля «Альпийская роза», заполняют комнаты в отеле до верха, душат обитателей), через лексические повторы (волосы, зубы, поломанные очки, истлевшая обувь, детские

игрушки, старые чемоданы и другие вещи). Ср.: *So leben wir in einer Lagergemeinschaft mit Körpern, Brillen, Zähnen, Koffern, Puppen, Plüschteddys von Fremde, ohne dass uns das etwas nützen oder schaden würde* (Jelinek 1997, S. 606).

В финале романа селевой поток, сходящий с гор и перемалывающий все на своем пути, соотносится с идеей лавинообразного потока информации, хоронящего живого человека в истории и саму историю человечества. Снежная лавина обнажает появившиеся во многих местах человеческие волосы. У Елинек: *Wir graben weiter, die stählernen Schaufeln wühlen sich voran und stoßen auf ein Zeichen: Haar. Menschliches Haar. Es ist einfach zuviel Haar da* (Jelinek 1997, S. 665). «Мы роём дальше, стальные лопаты выворачивают землю и натываются на знак: волосы. Человеческие волосы. Только слишком уж много тут волос» (Елинек 2006, с. 620).

Внутри смысловой рамки «Холокост» находится «культурный бульон»: разноголосица газетных текстов, рекламная нарезка, голосов телеэфира, фрагменты разговоров, эпизоды из телевизионных передач, сериалов, интервью с популярными массмедийными персонажами. Стилистический прием монтажа *cut-up* проявляется в спонтанном и произвольном соединении друг с другом газетных или текстовых вырезок, в игре с прецедентными именами. Воспроизводя этот пестрый монтаж фрагментов из жизни «общества спектакля» как киноленту, Елинек имитирует массмедийные техники и тем самым разрушает мифологические образования.

В духе барочной аллегии «пляска смерти» Елинек демистифицирует основные сферы жизни современного человека-потребителя, лишённого психологической глубины. Ее «редуцированные» персонажи наделены лишь именами, изуродованными телами и обрывками сюрреалистических жизнеописаний [Котелевская 2008, с. 39]. Так, спортсмен Эдгар Штранц *Edgar Gstranz* (лыжник из австрийской национальной команды) в прошлой жизни погибает в автомобильной катастрофе, его тело подвергается уродливому механическому разрушению. Однако, вернувшись в мир живых, он бодр и всегда готов к сексуальным развлечениям. Гудрун Бихлер *Gudrun Bichler* (студентка философского факультета) из-за страха перед экзаменом вскрывает себе вены в ванной комнате. Скромница в прошлом, она теперь «отрывается» на территории мужского дискурса. Сцены коитуса с Эдгаром, прорисованные в романе, многочисленны и физиологически точны. Карин Френцель *Karin Frenzel*, инфантильная и подавленная властной матерью, теперь поглощена заботой о своих нарядах. Смешавшись с группой отдыхающих австрийского пансионата «Альпийская роза», трое мертвецов пытаются вернуться в реальную жизнь.

Романные персонажи материализуются как ретрансляторы различных дискурсов, например

спортивного, гастрономического, сексуального [Гладилин 2012]. Реальность представлена здесь как мерцающий голубой экран телевизора, в котором явлен весь универсум симулякров, пустых означающих, пустых знаков и мнимых величин. Отсутствие человека в симулятивной реальности компенсируется присутствием его тела, но тела деформированного, расчлененного, дефектного. Образ распадающейся плоти как нельзя лучше символизирует чистую предметность, массу, которая уже не поддается одухотворению, но выражает абсолютную физиологию. В романе представлены гротесковые фигуры, лишённые своей индивидуальности, они – медиафигуры с голографическими объемами и заданными функциями. Это напоминает компьютерную графику, сбой в которой приводит иногда к потере отдельных частей тела. Например, изображение человеческого лица в пикселях распадается, как и камнепад в горах, а черты лица размываются и даже «сходят с рельс» (Елинек 2006, с. 486): <...> *die Züge zum endgültigen Entgleisen gebracht haben* (Jelinek 1997, S. 524). Здесь Елинек осуществляет деконструкцию телесности как один из способов метафорического представления о деконструкции личности в симулякровой реальности.

Пустота в романе передается разнообразными языковыми средствами: паронимия *teilnehmende Anteil*, плеоназм *die wesentlichen Wesenheiten*, оксюморон *das Mass des Masslosen*, контаминация *Geschlechtsbeisszangen, Golfkriegfrisur*, отсылка к войне в Персидском заливе; абсурдная «заумь»: *Ein Kind, das an einer Art Galgen schwimmen lernt, schreit auf und greift aus sich heraus* (Jelinek 1997, S. 249). «Ребенок, который учится плавать на чем-то вроде висельницы, вскрикивает и вырывается из себя» (Елинек 2006, с. 230).

Роман «Дети мертвых» обнаруживает сложную стилистическую фактуру, многоуровневую организацию художественного целого. В потоке повествования синхронно сосуществуют все пласты линейного времени (ахрония). Время остановлено (прошлое спрессовано в настоящем и мертвит будущее), это передается в образах льда, снежной пурги, снежной лавины. Границы хронотопа в романе размыты. Текстовая природа постмодернистского сознания в романном сюжете корректируется возвращением к материальному потоку жизни, когда в коловращении всего стираются границы живого/неживого, человека/вещи. Персонажи романа Елинек выступают своего рода репрезентантами некоей архаической стадии человеческого сознания, на которой еще не существовало строгого размежевания теоморфного, антропоморфного и зооморфного. Отсюда – обилие анатомических, зооморфных, вещественных, гастрономических метафор, окказионализмов и композитов, фигур гротеска и абсурда, которые Елинек конструирует в своем повествовании и тем самым обрушивает избыточную реальность знаков, «пустых означающих» в современной культуре.

Неразличимость живого/мертвого, человеческого/предметного, подлинного / симулятивного порождает особую, метаболическую ситуацию. Использование метаболического принципа видения возвращает к анималистическому образу мышления, когда язык передавал то первобытное нерасчлененное бытие. Метабола выступает одним из излюбленных стилистических средств у Елинек. Традиционное понимание метабола как «всевозможных изменений, касающихся любого аспекта языка» [Дюбуа, Эделин 1986, с. 56], уточняет М. Эпштейн. Метабола трактуется им как «образ, не делимый надвое, на прямое и переносное значение, на описанный предмет и привлеченное подобие, это образ двоящейся и вместе с тем единой реальности» [Эпштейн 1988, с. 58]. В новых историко-эстетических обстоятельствах, когда осуществляется возврат мифической парадигмы уже в новом раскладе, всеединство сущего подменяется новым единством симулякров/симуляций/имитаций. Жизнь предстает как огромная компьютерная игра, в которой есть бесконечные повторения и обратимость. Приведем яркие примеры: Люди-камни: *an den Stein, der wir selber sind* (Jelinek 1997, S. 13). Человек-дерево, с которого слишком рано были обглоданы все листья. *Vom Bäumchen Karin zu früh die Blätter abfallen lassen* (Jelinek 1997, S. 80). Человек-спортивный инвентарь: Эдгар срастается со своей доской для сноуборда: *Er und sein Gestell gehören zusammen, den darauf soll sein Wesen zum Scheinen gebracht werden* (Jelinek 1997, S. 133). Человек-рыба: *Die Frauen waren immer schon sein Element, in dem er schweifwedelnd herumgeschwommen ist* (Jelinek 1997, S. 277). «Женщины всегда были его стихией, в которой он плавал, помахивая хвостом» (Елинек 2006, с. 256).

Отсутствие четких границ между человеком и предметным миром характерно и для риторической фигуры прозопопеи, близкой к мифологической серьезности, делающей предметы и явления акторами, равноправными с человеком. В романе Елинек вещи, пространства, постоянно содействующие друг с другом, становятся продолжением людей. Например, человек может наблюдать скалы, и стены скалы могут наблюдать за человеком. *Die Felswände schauen auf den Gasthof herab. Die Touristen schauen zu den Felswänden auf* (Jelinek 1997, S. 63). «Скалистые стены глядят на гостиницу сверху. Туристы глядят на скалы, задрвав голову» (Елинек 2006, с. 58).

Использование в романе реализованных метафор (и других видов тропов) для описания мифологизированной реальности порождает гротесковый эффект. Так, язык Освенцима и язык телевидения Елинек связывает в чудовищном гротеске [Dunker 2003, S. 147]. Это позволяет увидеть в игровом пространстве постмодернистской культуры знаки Освенцима и сопоставить их с новыми формами тоталитаризма, с визуальными стратегиями власти

[Кучумова 2019]. Печи концентрационных лагерей по своему воздействию Елинек приравняет к кинескопам телевизоров (*im muffeligen Ofen des Fernsehens*). Как и ненасытные печи крематория, телевидение преуспевает в деле «пожирания» людей, лишая возможности серьезного проникновения вглубь жизненных проблем, что приводит к духовной смерти [Schanze 2006, S. 169]. Экран телевизора выступает и как своеобразная Матрица, подключение к которой способствует погружению людей в один и тот же сон. *Die Leute haben Teller an ihren Häusern angebracht, um auch diese Nacht wieder gründlich auszumelken, Stimmen und Bilder wie aus einem Euter in ihre Wohnung rinnen zu lassen, und die ersten Kainszeichen flammen bereits auf* (Jelinek 1997, S. 249). «Люди приладили к своим домам тарелки, чтобы выдоить и эту ночь, голоса и картинки струятся, как из вымени, в квартиры, и уже вспыхивают первые знаки Каина» (Елинек 2006, с. 230). Современные формы симулятивной жизни, как констатирует Елинек, неизменно приведут к наступлению каменного века («окаменению», духовной смерти). Окаменение людей психологически точно передает состояние духовной неподвижности, оцепенения как результат мощного прессинга текста современной культуры с его избытком повторыемости и скоростной подачи информации. *Hinter der Stirn sind die Gedenksteine aufgehäuft, doch es steht dort nichts geschrieben. Alle Inschriften sind gelöscht, spätestens seit dem Sommer, da die letzten Menschentransporte ausgerückt sind <...> und hergetrieben in einen hölzernen See aus Baracken ohne Fenster* (Jelinek 1997, S. 143–144). «За лбом прячутся камни памяти, но на них ничего не написано. Все надписи стерты, самое позднее с лета, когда были отправлены последние машины, груженные людьми <...> и были пригнаны сюда, в деревянное море барачков без окон» (Елинек 2006, с. 134–135).

Гротеск у Елинек принимает и кошунственные формы, когда тематика Освенцима освещается в сексуальном дискурсе: *Die Auschwitz-Topoi werden markiert durch das Fernsehen und den Geschlechtsdiskurs* [Dunker 2003, S. 333]. Примечательна следующая «бесшовная сцена» в романе: в соитии Гудрун и Эдгара их тела напоминают железнодорожные вагоны, идущие в Освенцим, и здесь же обыгрывается цитата: *Die Arbeit macht frei. Die Körper der Liebenden sind wie Eisenbahnwaggons. Nicht Arbeit hat diese junge Schwester freigemacht, sondern ein Auszubildender, den wiederum noch keine Gesellenprüfung freigemacht hat, sodaß er in die Öffentlichkeit hätte entlassen werden dürfen* (Jelinek 1997, S. 256–257).

Далее укажем на окказиональное композитообразование, часто используемое Елинек для разрушения идеологического содержания современных мифов. Экспрессивность таких окказионализмов, образованных по случаю *ad hoc* «здесь-и-сейчас», проявляется в том, что они обладают

эмоционально-оценочной, содержательной нагрузкой и способны выявить и разрушить застывшие языковые формы и клише.

Окказиональное композитообразование на основе метафоризации выступает у Елинек и как вариант «сорописи», характерной для экспериментальной словесности. В современной лингвистике композит (лат. *compositum*) по праву считается «синтаксической параллельной конструкцией» [Fleischer 1971, S. 326], а «именное словосложение рассматривается как микросинтаксис» [Бенвенист 1974, с. 241]. Так, в романе часто используется модель образования сложных слов – сдвиги. Индивидуально-авторские сдвиги у Елинек создаются посредством номинализации синтаксических конструкций: *Gudrun-draußen-vor-der-Tür sieht sich jetzt im Anschnitt schräg von hinten, was ist denn in sie gefahren?* (165). «Гудрун-снаружи-за-дверью теперь видит себя в косом срезе сзади» (109). Здесь отсылка к тексту В. Борхерта *Draußen vor der Tür* контекстуально указывает на феномен жизни-симуляции. *Ein Engelsturz, der sich nur endlich aufrappelt und in einer Hecht-in-Aspikrolle durch die Glasglocke wirft* (Jelinek 1997, S. 109). «Падшие ангелы, которые теперь с трудом выкарабкиваются и заливной щучкой выпрыгивают из-под стеклянного колпака» (Елинек 2006, с. 100). Содержит прямое указание на непристойный характер «прозрачности» современного общества.

Многие окказиональные композиты в качестве компонентов содержат прецедентные имена: например, человек-потребитель экранной продукции сам становится продуктом Франкенштейна *Frankenschteinprodukt*, он ведет призрачную жизнь. Сплошные камни на его дороге постепенно зарастают травой (забвения). Здесь окказиональное композитообразование: *Hänsel/Gretel-Spur* отсылает к тексту сказки братьев Grimm.

За рамками данной статьи остается еще достаточно объемный исследовательский материал, иллюстрирующий языковую практику деконструкции Елинек. Нередко сложное сочетание различных тропов, характерное для ее стиля, затрудняет их вычленение и классификацию.

Заключение

Используя богатый тропологический инструментарий, Эльфрида Елинек разрушает идеологические построения и мифы общества и культуры потребления, переводит их в зону ужасного и непристойного. Деконструкция мифологических структур в ее романе «Дети мертвых» осуществляется в смелых языковых экспериментах, в стихии языковых игр «на понижение», в новой «подсветке» и в новых неожиданных контекстах. «Эмоциональное очищение», как при восприятии высокой культуры, Елинек заменяет более действенным «критическим катарсисом», что позволяет читателю занять «отрезвляющую» позицию по отношению к демистифицированной реальности.

Материалы исследования

Jelinek 1997 – *Jelinek E.* Die Kinder der Toten. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1997. 667 S.

Елинек 2006 – *Елинек Э.* Дети мертвых: роман / пер. с нем. Т. Набатниковой. Санкт-Петербург: Амфора, 2006. 622 с.

Библиографический список

Birkmeyer 2006 – *Birkmeyer J.* Elfriede Jelinek. Tobsüchtige Totenwach // Eke Norbert Otto, Steinecke Hartmut (Hrsg.) Shoah in der deutschsprachigen Literatur. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2006. S. 302–310.

Dunker 2003 – *Dunker A.* Die anwesende Abwesenheit. Literatur im Schatten von Auschwitz. München: Wilhelm Fink Verlag, 2003. 333 S. URL: https://digi20.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb00041347_00001.html.

Fleischer 1971 – *Fleischer W.* Wortbildung der deutschen Gegenwartsprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1971. 326 S. URL: <https://archive.org/details/wortbildungderde0000flei>.

Schanze 2006 – *Schanze H.* Fernsehmythen – Mythologie des Fernsehens. // In: Alte Mythen – Neue Medien / Hrsg. von Yasmin Hoffmann, Walburga Hülk, Volker Roloff. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2006. 344 S.

Zenke 1991 – *Zenke Th.* Ein Langstreckenlauf in die Heimat // Elfriede Jelinek/ herausgegeben von Kurt Bartsch, Günter A. Höfler der Universität Graz: Literaturverlag Drosche, 1991. Bd. I. S. 187–183.

Барт 1994 – *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. Москва: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. 729 с. URL: <https://djvu.online/file/1tbhCBwoeYrrU>.

Барт 1996 – *Барт Р.* Мифологии / пер., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 287 с. URL: <https://djvu.online/file/09nebZjvLCX1V>.

Белобратов 2005 – *Белобратов А.В.* Эльфрида Елинек: «Я ловлю язык на слове...»: интервью с Э. Елинек // Иностранная литература. 2005. № 7. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2005/7/ya-lovlyu-yazyk-na-slove.html>.

Бенвенист 1974 – *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / под ред. Ю.С. Степанова. Москва: Прогресс, 1974. 256 с. URL: <https://djvu.online/file/OnWcDvNjV5PsC>.

Бодрийяр 2000 – *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть / пер. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. Москва: Добросвет, 2000. 387 с. URL: <https://djvu.online/file/K8gEsy1iv3qZL>.

Гладилин 2012 – *Гладилин Н.В.* Постмодернистские решения гендерной проблематики в романах Эльфриды Елинек 1989–2000 гг. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 655. С. 94–111. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18353629>. EDN: <https://elibrary.ru/plqlkb>.

Дюбуа, Эделин 1986 – *Дюбуа, Ж., Эделин Ф. и др.* Общая риторика / пер. с фр. Е.Э. Разлоговой, Б.П. Нарумова; общ. ред. и вступ. ст. А. К. Авеличева. Москва: Прогресс, 1986. 391 с. URL: <https://studizba.com/files/show/djvu/1580-1-obschaya-ritorika-zh-dyubua-f-pir-a.html>.

Котелевская 2008 – *Котелевская В.В.* «Редуцированный» персонаж Эльфриды Елинек в «обществе спектакля» // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2008. № 2. С. 30–40. URL: <https://philol-journal.sfedu.ru/index.php/sfuphilol/article/view/65>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=11787805>. EDN: <https://elibrary.ru/jxytvd>.

Кучумова 2019 – *Кучумова Г.В.* Немецкоязычный роман рубежа XX–XXI вв.: Проблема Другого: монография. Самара: САМАРА, 2019. 216 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44310946>. EDN: <https://elibrary.ru/grylhs>.

Эпштейн 1988 – *Эпштейн М.Н.* Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков. Москва: Советский писатель, 1988. 416 с. URL: <https://djvu.online/file/i5s7L7mVBvkID>.

Эпштейн 2004 – *Эпштейн М.Н.* Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. Москва: Новое литературное обозрение, 2004. 864 с. URL: https://imwerden.de/pdf/epstein_znak_probela_2004__txt.pdf.

References

Birkmeyer 2006 – *Birkmeyer J.* (2006) Elfriede Jelinek. Tobsüchtige Totenwache. In: *Eke Norbert Otto, Steinecke Hartmut* (Hrsg.) *Shoah in der deutschsprachigen Literatur*. Berlin: Erich Schmidt Verlag, S. 302–310.

Dunker 2003 – *Dunker A.* (2003) Die anwesende Abwesenheit. Literatur im Schatten von Auschwitz. München: Wilhelm Fink Verlag, 333 S. Available at: https://digi20.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb00041347_00001.html.

Fleischer 1971 – *Fleischer W.* (1971) Wortbildung der deutschen Gegenwartsprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 326 S. Available at: <https://archive.org/details/wortbildungderde0000flei>.

Schanze 2006 – *Schanze H.* (2006) Fernsehmythen – Mythologie des Fernsehens. In: *Yasmin Hoffmann, Walburga Hülk, Volker Roloff* (Hrsg.) *Alte Mythen – Neue Medien*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 344 S.

Zenke 1991 – *Zenke Th.* (1991) Ein Langstreckenlauf in die Heimat. In: *Elfriede Jelinek / herausgegeben von Kurt Bartsch, Günter A. Höfler der Universität Graz: Literaturverlag Drosche*, Bd. I. S. 187–183.

Barthes 1994 – *Barthes R.* (1994) Selected works: Semiotics. Poetics. Translated from French and the introductory article by Kosikova G.K. (Ed.). Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», «Univers», 729 p. Available at: <https://djvu.online/file/1tbhCBwoeYrrU>. (In Russ.)

Barthes 1996 – *Barthes R.* (1996) Mythologies. Translation, introductory article and commentaries by Zenkin S.N. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh, 287 p. Available at: <https://djvu.online/file/09nebZjvLCX1V>. (In Russ.)

Belobratov 2005 – *Belobratov A.V.* (2005) Elfriede Jelinek: “I catch my tongue at a word...”: Interview with E. Jelinek. *Inostrannaya literatura*, no. 7. Available at: <https://magazines.gorky.media/inostran/2005/7/ya-lovlyu-yazyk-na-slove.html>. (In Russ.)

Benveniste 1974 – *Benveniste E.* (1974) General linguistics; *Stepanov Yu.S. (Ed.)*. Moscow: Progress, 256 p. Available at: <https://djvu.online/file/OnWcDvNjV5PsC>. (In Russ.)

Baudrillard 2000 – *Baudrillard J.* (2000) Symbolic exchange and death. Translation and introductory article by Zenkin S.N. Moscow: Dobrosvet, 387 p. Available at: <https://djvu.online/file/K8gEsy1iv3qZL>. (In Russ.)

Gladilin 2012 – *Gladilin N.V.* (2012) Postmodern solutions of gender problematics Elfriede Jelinek's novels of 1989–2000. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, no. 655, pp. 94–111. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18353629>. EDN: <https://elibrary.ru/plqlkb>. (In Russ.)

Dubois, Edeline 1986 – *Dubois J., Edeline F. et al.* (1986) General rhetoric. Translated from French by Razlogova E.E., Narumova B.P.; general editorship and introductory article by Avelicheva A.K. Moscow: Progress, 391 p. Available at: <https://studizba.com/files/show/djvu/1580-1-obschaya-ritorika-zh-dyubua-f-pir-a.html>. (In Russ.)

Kotelevskaya 2008 – *Kotelevskaya V.V.* (2008) «Reduced» character of Elfriede Jelinek in the «society of the spectacle». Proceedings of Southern Federal University. Philology, no. 2, pp. 30–40. Available at: <https://philol-journal.sfedu.ru/index.php/sfuphilol/article/view/65>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=11787805>. EDN: <https://elibrary.ru/jxytvd>. (In Russ.)

Kuchumova 2019 – *Kuchumova G.V.* (2019) The German-language Novel of the Turn of the 21st Century: The Problem of the Other: monograph. Samara: SAMARAMA, 216 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44310946>. EDN: <https://elibrary.ru/grylhs>. (In Russ.)

Epstein 1988 – *Epstein M.N.* (1988) Paradoxes of novelty: On the literary development of the XIX–XX centuries. Moscow: Sovetskii pisatel', 416 p. Available at: <https://djvu.online/file/i5s7L7mVBvkID>. (In Russ.)

Epstein 2004 – *Epstein M.N.* (2004) The sign of the gap: About the future of the humanities. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 864 p. Available at: https://imwerden.de/pdf/epstein_znak_probela_2004_txt.pdf. (In Russ.)